

HUMAN RIGHTS WATCH

350 Fifth Avenue, 34th Floor
New York, NY 10118-3299
Tel: 212-290-4700
Fax: 212-736-1300
Email: hrwnyc@hrw.org

Перевод с английского

7 мая 2008 г.

Министру юстиции Испании
Мариано Фернандосу Бермехо

San Bernardo, 45
28015 Madrid

Факс: +34 (91) 390-2244

Уважаемый господин Министр!

Обращаемся к вам с выражением глубокой обеспокоенности в связи с тем, что правительство Испании рассматривает возможность экстрадиции Мурата Ахмедовича Гасаева под предоставленные российскими властями дипломатические заверения о неприменении к нему пыток и недозволенного обращения. В июне 2007 г. мы обращались в Национальную судебную коллегия с письмом, в котором выражали сомнения в безопасности Гасаева по возвращении в Россию и настоятельно призывали судебные власти отказать в выдаче.ⁱ

Мурат Гасаев, этнический чеченец, разыскивается в связи с нападением группы вооруженных лиц на административные объекты в Ингушетии в июне 2004 г. В августе 2004 г. его на трое суток задерживало Управление Федеральной службы безопасности по Республике Ингушетия, и он утверждает, что во время допроса подвергался пыткам и недозволенному обращению. Затем его отпустили без предъявления обвинения. Как представляется, запрос о выдаче основан на последующих показаниях задержанного Идриса Матиева, который на допросе в ФСБ назвал Гасаева одним из участников июньского нападения. Впоследствии Матиев отказался от показаний, заявив, что подвергался побоям, пытке электрическим током и угрозам в адрес родственников.ⁱⁱ В апреле 2008 г. несколько ингушских правозащитных организаций обратились к правительству Испании с открытым письмом, в котором подчеркивалось, что показания против Гасаева были даны Матиевым под давлением, и содержался призыв не удовлетворять никаких запросов о выдаче Гасаева.ⁱⁱⁱ

Мурат Гасаев утверждает, что в случае экстрадиции в Россию ему угрожает реальный риск подвергнуться пыткам и недозволенному обращению, а также что ему может не быть обеспечен

Kenneth Roth, *Executive Director*
Michele Alexander, *Development & Outreach Director*
Carroll Bogert, *Associate Director*
Emma Daly, *Communications Director*
Barbara Guglielmo, *Finance & Administration Director*
Peggy Hicks, *Global Advocacy Director*
Iain Levine, *Program Director*
Andrew Mawson, *Deputy Program Director*
Suzanne Nossel, *Chief of Operations*
Dinah PoKempner, *General Counsel*
James Ross, *Legal & Policy Director*
Joe Saunders, *Deputy Program Director*

PROGRAM DIRECTORS

Brad Adams, *Asia*
Holly Cartner, *Europe & Central Asia*
David Fathi, *United States*
Georgette Gagnon, *Africa*
José Miguel Vivanco, *Americas*
Sarah Leah Whitson, *Middle East & North Africa*
Joseph Amon, *HIV/AIDS*
John Biaggi, *International Film Festival*
Peter Bouckaert, *Emergencies*
Richard Dicker, *International Justice*
Bill Frelick, *Refugee Policy*
Arvind Ganesan, *Business & Human Rights*
Steve Goose, *Arms*
Janet Walsh, *Women's Rights*
Scott Long, *Lesbian, Gay, Bisexual & Transgender Rights*
Joanne Mariner, *Terrorism & Counterterrorism*
Lois Whitman, *Children's Rights*

ADVOCACY DIRECTORS

Steve Crawshaw, *United Nations*
Juliette de Rivero, *Geneva*
Jean-Marie Fardeau, *Paris*
Marianne Heuwagen, *Berlin*
Lotte Leicht, *European Union*
Tom Malinowski, *Washington DC*
Tom Porteous, *London*

BOARD OF DIRECTORS

Jane Olson, *Chair*
Bruce J. Klatsky, *Vice-Chair*
Sid Sheinberg, *Vice-Chair*
John J. Studzinski, *Vice-Chair*
Lloyd Axworthy
David M. Brown
Jorge Castañeda
Tony Elliott
Hassan Elmasry
Michael G. Fisch
Michael E. Gellert
Richard J. Goldstone
Vartan Gregorian
James F. Hoge, Jr.
Wendy Keys
Robert Kissane
Joanne Leedom-Ackerman
Josh Mailman
Susan Manilow
Kati Marton
Linda Mason
Barry Meyer
Pat Mitchell
Joel Motley
Samuel K. Murumba
Catherine Powell
Sigrid Rausing
Victoria Riskin
Shelley Rubin
Kevin P. Ryan
Darian W. Swig
John R. Taylor
Shibley Telhami

Robert L. Bernstein, *Founding Chair, (1979-1997)*
Jonathan F. Fanton, *Chair (1998-2003)*
Bruce Rabb, *Secretary*

HUMAN
RIGHTS
WATCH

www.hrw.org

справедливый суд с связи с возможным использованием доказательств, полученных с помощью пыток.^{iv} Широкое распространение пыток и недозволенного обращения и продолжающиеся насильственные исчезновения в связи с контртеррористическими мероприятиями российских силовых структур на Северном Кавказе убедительно документированы российскими и международными правозащитными организациями. Многочисленные случаи применения пыток к этническим чеченцам и ингушам, подозреваемым в причастности к нападению на Назрань в июне 2004 г. и другим актам вооруженного сопротивления властям, подробно описаны в докладе московского правозащитного центра «Мемориал» от сентября 2005 г. «Конвейер насилия. Нарушения прав человека в ходе проведения контртеррористических операций в Республике Ингушетия».^v Поскольку в Ингушетии отсутствует собственный следственный изолятор, подозреваемых доставляют во Владикавказ (Северная Осетия), где сотрудники силовых структур и правоохранительных органов нередко практикуют физическое принуждение к признанию. На основании этих признаний подозреваемые затем привлекаются к уголовной ответственности в Ингушетии. Даже в тех редких случаях, когда суд оправдывает их, эти лица остаются уязвимыми для дальнейших преследований со стороны силовых структур.^{vi} Анна Политковская описывала особенно возмутительный случай, когда неизвестные вооруженные лица пытались похитить только что оправданного Мурата Маргошвили из здания Верховного суда Ингушетии.^{vii}

Запросив у российской стороны дипломатические заверения о неприменении пыток и недозволенного обращения, испанские власти и сами признали опасность, которая угрожает Мурату Гасаеву в случае возвращения.

Тезис о мониторинге последующего обращения Комитетом ООН против пыток

Насколько мы понимаем, Национальная судебная коллегия отказалась удовлетворить апелляцию Гасаева на решение об экстрадиции, основываясь в значительной степени на дипломатических заверениях российской стороны, изложенных в ряде писем правительству Испании в 2007 г. В частности, было заявлено, что условия содержания Гасаева под стражей будут соответствовать статье 3 Европейской конвенции о правах человека, что он не будет подвергнут смертной казни и что в случае осуждения на пожизненное заключение он будет иметь право на условно-досрочное освобождение через 25 лет.

Более того, российская сторона также гарантировала, что в соответствии с частью II Конвенции ООН против пыток членам Комитета против пыток будет разрешено посещать Гасаева в местах содержания под стражей и проводить с ним конфиденциальные беседы.^{viii} Внимательный анализ протоколов рассмотрения дела в Национальной судебной коллегии показывает, что гарантия мониторинговых посещений Комитетом против пыток сыграла решающую роль в принятии решения санкционировать экстрадицию Гасаева.

Хьюман Райтс Вотч выступает против использования дипломатических заверений о неприменении пыток и недозволенного обращения в любой ситуации, когда в стране назначения присутствует признанный риск таких нарушений.^{ix} Дипломатические заверения являются изначально ненадежными, когда речь идет о государствах, где практикуются пытки или недозволенное обращение или где те или иные группы постоянно служат объектом таких нарушений, как в случае с чеченцами, подозреваемыми в участии в незаконных вооруженных формированиях в России. Наша позиция разделяется верховным комиссаром ООН по правам человека, спецдокладчиками по пыткам и по вопросам прав человека в контексте борьбы с терроризмом, комиссаром Совета Европы по правам человека и другими профильными международными экспертами.

В связи с участием Комитета против пыток принципиально важно отметить ряд серьезных проблем, связанных с предложением российской стороны привлечь его к последующему мониторингу обращения с Гасаевым в местах содержания под стражей:

- Насколько нам известно, ни Комитет, ни Управление верховного комиссара ООН по правам человека делом Гасаева не занимаются. Как представляется, никаких консультаций с предполагаемыми наблюдателями не проводилось.
- Часть II Конвенции ООН против пыток не содержит положений, которые предусматривали бы такой индивидуальный последующий мониторинг обращения, который гарантируется российской стороной. Статья 20 предусматривает посещения государства-участника членами Комитета, однако лишь в контексте общей проверки информации о существовании в той или иной стране устойчивой системы или практики пыток. Ничто в статье 20 не может трактоваться как предусматривающее мониторинг Комитетом обращения с конкретным задержанным лицом в рамках гарантий, предоставляемых в составе двусторонних дипломатических заверений. Такие заверения запрашиваются и предоставляются *вне* рамок международных договоров системы ООН, не содержат никаких механизмов обеспечения и, соответственно, не являются юридически обязывающими.
- Мониторинговые функции Комитета ООН против пыток как органа, контролирующего выполнение соответствующей конвенции, никогда не включали практику посещения мест содержания под стражей. Прецеденты таких посещений попросту отсутствуют, и в настоящее время для такого мониторинга нет ни человеческих возможностей, ни финансирования. Создание международного мониторингового органа предусмотрено Факультативным протоколом к Конвенции, однако российская сторона явно не имела его в виду, поскольку Россия не является участником Протокола.
- В своих заключительных замечаниях и рекомендациях, а также в решениях по индивидуальным жалобам Комитет выражает серьезную обеспокоенность в связи с растущим использованием государствами - участниками Конвенции дипломатических заверений о неприменении пыток и недозволенного обращения.^x Комитет также считает, что правительства не должны полагаться на дипломатические заверения о неприменении пыток

со стороны государств, которые систематически нарушают положения Конвенции.^{xi}

- Последующий периодический мониторинг сам по себе не может обеспечить защиту от недозволенного обращения. Даже если бы Комитет согласился посещать Гасаева, чтобы отслеживать обращение с ним в России, это нельзя было бы считать достаточной гарантией безопасности. Как отмечала Верховный комиссар ООН по правам человека Луиз Арбур, «исходя из многолетнего опыта международных органов и экспертов представляется маловероятным, чтобы какой-либо механизм последующего мониторинга, созданный непосредственно с целью предупреждения пыток и недозволенного обращения применительно к конкретному случаю, обеспечил желаемый эффект. Такие нарушения зачастую практикуются тайно, а совершающие их лица способны хорошо скрывать следы. Жертвы, опасаясь последствий, часто не хотят рассказывать о своих страданиях, а если и говорят, то им не всегда верят».^{xii}

Хьюман Райтс Вотч опасается, что Национальная судебная коллегия отказала в удовлетворении апелляции Гасаева из-за неправильного понимания характера той деятельности, которая осуществляется Комитетом против пыток. В любом случае, мы еще раз заявляем, что если бы даже такой мониторинг и был организован, он не обеспечил бы Гасаеву защиты от реального риска пыток и недозволенного обращения в случае возвращения в Россию.

Европейский суд по правам человека

Насколько нам известно, в прошлом месяце Европейский суд по правам человека отказался издать предписание о применении в деле Гасаева временных судебных мер. Мотивы такого решения по ходатайству Гасаева остаются неясными, однако в своей практике последнего времени Европейский суд неоднократно подтверждал абсолютный характер запрета направления любых лиц в страны, где им могут угрожать пытки и недозволенное обращение, какие бы заверения ни предоставлялись правительством страны назначения.

В феврале 2008 г. в решении по делу *Саади против Италии* Большая палата единогласно подтвердила абсолютный характер статьи 3 Европейской конвенции о правах человека, запрещающей как пытки и иное недозволенное обращение, так и передачу лиц в условия, чреватые риском таких нарушений. При этом Суд также высказался по вопросу о дипломатических заверениях, а также о том, освобождается ли государство в той или иной мере от обязанности не допускать передачи лиц в условия, чреватые пытками или недозволенным обращением, при наличии обещаний гуманного обращения со стороны властей страны назначения. Суд установил, что такие заверения не снимают существующего риска автоматически, подчеркнув, что «наличие национального законодательства и формальное участие в международных договорах, гарантирующих уважение основных прав, сами по себе не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты от опасности недозволенного обращения в ситуации, когда ...

из надежных источников имеется информация о явно противоречащей принципам Конвенции практике, к которой власти прибегают или которой попустительствуют».^{xiii}

Суд также отметил, что даже при наличии более предметных заверений он, тем не менее, будет оценивать их в каждом конкретном случае, с тем чтобы определить являются ли «предоставленные заверения, с точки зрения их практического применения, достаточной гарантией того, что заявитель будет огражден от риска запрещенного Конвенцией обращения». На практике, если наличие такого риска установлено, Суд ни в одном случае не признавал заверения достаточными.^{xiv}

24 апреля 2008 г. в деле *Исмоилов и другие против России* Европейский суд по правам человека установил, что экстрадиция Россией 12 граждан Узбекистана в эту страну была бы нарушением статьи 3 Конвенции, несмотря на предоставленные узбекской стороной заверения о неприменении пыток. Суд отметил, что дипломатические заверения не признавались достаточными в деле *Саади против Италии* и в деле *Чахал против Великобритании* (1996 г.) применительно к депортации в индийский штат Пенджаб, где связанные с пытками нарушения носили системный и устойчивый характер. «Принимая во внимание, что практика пыток в Узбекистане характеризуется авторитетными международными экспертами как систематическая, ... Суд не может признать, что заверения узбекских властей обеспечивают надежную гарантию защиты от риска недозволенного обращения», - заключил Суд.^{xv}

Российские заверения о неприменении пыток в деле Гасаева сводятся лишь к повторению основных обязательств России по Европейской конвенции о правах человека. При этом наши и другие исследования свидетельствуют о том, что Россия во многих случаях не соблюдает юридически обязывающие нормы международных договоров с ее участием, а практика пыток и недозволенного обращения по-прежнему имеет место, в особенности в отношении чеченцев и в контексте контртеррористических мероприятий на Северном Кавказе. Риск того, что о несоблюдении заверений станет известно уже после применения пыток, недопустимо высок.

Именно к такому заключению пришел в 2003 г. британский суд, отказавшийся признать достаточными российские дипломатические заверения в отношении Ахмеда Закаева – одного из лидеров чеченских сепаратистов в эмиграции. При этом суд исходил из того, что пытки в России широко распространены, что чеченцы являются одной из «целевых групп» таких нарушений и что российское правительство не настолько эффективно контролирует разветвленную тюремную систему, чтобы гарантировать, что Закаев не подвергнется пыткам. Несмотря на то, что заверения были лично подтверждены в суде российским должностным лицом в ранге заместителя министра, отвечающим за тюремную систему, в экстрадиции Закаева было отказано.^{xvi}

Прецеденты нарушения Россией дипломатических заверений

В прошлом российские власти уже нарушали собственные дипломатические заверения. В марте 2004 г. правительство США отправило в Россию семерых бывших узников Гуантанамо под обещание Москвы, что они будут подлежать уголовному преследованию только за терроризм и что с ними будут обращаться гуманно. Ни один из этих пунктов Россией соблюден не был. Несколько человек впоследствии подверглись притеснениям и были осуждены по надуманным делам. Расул Кудаяев из Кабардино-Балкарии был задержан после вооруженного выступления в столице республики в октябре 2005 г. Фотографии, медицинские и судебные документы, а также заявления адвокатов и родственников свидетельствуют о том, что в период содержания под стражей Кудаяева неоднократно избивали, пытаясь принудить его к признанию в причастности к октябрьским событиям.^{xvii}

В 2003 г. российские власти отказались предоставить делегации Европейского суда по правам человека доступ к пятерым экстрадированным чеченцам. Эти лица были выданы Грузией в октябре 2002 г. вопреки предписанию Суда о приостановлении экстрадиции до рассмотрения заявлений по существу.^{xviii} Впоследствии российские власти предоставили дипломатические заверения, включавшие гарантии беспрепятственного доступа чеченцев к необходимой медицинской и юридической помощи, а также к самому Европейскому суду. В своем решении в апреле 2005 г. Суд признал нарушение Россией статьи 38 Европейской конвенции, выразившееся в «препятствовании миссии Суда по установлению фактов и в отказе в доступе к заявителям», что «недопустимо помешало установлению части фактов по данному делу».^{xix} Суд также постановил, что экстрадиция в Россию одного из остающихся в Грузии лиц была бы нарушением статьи 3, несмотря на заверения Москвы о гуманном обращении.

Нам известна позиция некоторых правительств о том, что дипломатические заверения стран – членов Совета Европы должны приниматься автоматически, поскольку эти государства являются участниками Европейской конвенции о правах человека и любые переданные лица, которые впоследствии подвергнутся пыткам, смогут обратиться в Европейский суд по правам человека. Однако невыполнение российскими властями заверений, предоставленных Суду в деле Шамаева, служат ярким примером того, что одно лишь участие в региональных или универсальных договорах о правах человека не гарантирует ни соблюдения государством соответствующих международно-правовых обязательств, ни даже прямых заверений, данных Европейскому суду в контексте конкретного рассматриваемого дела.

Мы также обращаем внимание испанских властей на то обстоятельство, что у российского правительства имеются серьезные проблемы с выполнением решений Европейского суда, в особенности применительно к окончательным решениям по делам, связанным с нарушениями в отношении этнических чеченцев.^{xx} Если Мурат Гасаев в случае его возвращения в Россию подвергнется пыткам или

недозволенному обращению, представляется маловероятным, чтобы виновные были когда-либо привлечены к ответственности, даже если Гасаеву удастся дойти до Страсбурга и выиграть дело.

Позиция международного экспертного сообщества

Против использования дипломатических заверений выступает все больше международных экспертов в области прав человека. В марте 2006 г. верховный комиссар ООН по правам человека Луиз Арбур заявила: «Я решительно разделяю мнение о том, что дипломатические заверения не работают, поскольку они не обеспечивают достаточной защиты от пыток и недозволенного обращения».^{xxi} Как уже отмечалось, верховный комиссар также разъяснила, почему последующий мониторинг обращения с отдельным передаваемым лицом не может считаться дополнительной гарантией.^{xxii}

В связи с попытками правительства Великобритании депортировать под дипломатические заверения подозреваемых в терроризме спецдокладчик ООН по пыткам Манфред Новак отмечал, что такая практика «отражает тенденцию со стороны европейских государств к обходу международного обязательства не депортировать любых лиц при наличии серьезного риска того, что они могут быть подвергнуты пыткам».^{xxiii}

Безоговорочно против практики использования дипломатических заверений о неприменении пыток высказывается комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг:

«Дипломатические заверения», когда принимающее государство обещает не подвергать пыткам тех или иных лиц в случае, если они будут возвращены, безусловно не могут служить решением вопроса о возможности экстрадиции или депортации в страну, где практикуются пытки. Такие обещания не заслуживают доверия и в ряде убедительно документированных случаев показали свою неэффективность... Суммируя, принцип невозвращения в опасные условия не следует подрывать удобными и ни к чему реально не обязывающими обещаниями такого рода».^{xxiv}

Все эти однозначно негативные оценки придают дополнительный вес тезису о том, что дипломатические заверения о неприменении пыток не работают и ведут к подрыву обязательства не выдавать лиц в опасные условия.

Позиция Испании

Правительство Испании традиционно критически относилось к дипломатическим заверениям. Экстрадиция под такие заверения Мурата Гасаева прямо противоречила бы заявлениям, делавшимся в декабре 2005 г. и в марте 2006 г. испанским представителем при обсуждении этого вопроса на экспертных встречах

Группы специалистов по проблемам прав человека и борьбы с терроризмом (DH-S-TER) под эгидой Совета Европы. В июне 2005 г. Координационный комитет СЕ по правам человека (CDDH) поручил Группе рассмотреть вопрос о целесообразности разработки руководящих принципов «допустимого использования» дипломатических заверений. В итоге Группа рекомендовала отказаться от разработки таких принципов, а испанское правительство в то время решительно оставалось на стороне тех государств, которые выступали против использования заверений при передаче лиц в условия, чреватые пытками и недозволенным обращением.^{xxv}

На мартовской встрече Группы специалистов в 2006 г. присутствовавший в качестве наблюдателя представитель Хьюман Райтс Вотч отметил активную и категорическую позицию представителя Испании против дипломатических заверений о неприменении пыток и недозволенного обращения. Представитель Испании вместе с представителями группы стран и коалиции неправительственных организаций, в которую входила и Хьюман Райтс Вотч, отстаивал тезис о том, что такие заверения не снимают реального риска пыток. В заключении по итогам встречи от апреля 2006 г. говорилось:

Ряд экспертов считали, что дипломатические заверения, связанные с обращением, предусмотренным статьей 3 ЕКПЧ, в контексте связанных с высылкой процедур являются изначально ненадежными и не могут считаться достаточно вескими, чтобы квалифицировать их как реально снимающие риск. Следовательно, на них не следует полагаться ни при каких обстоятельствах. Некоторые высказывали такую точку зрения применительно ко всем делам; другие – только применительно к случаям, когда в принимающем государстве имеет место систематическая практика пыток.^{xxvi}

Представитель испанского правительства последовательно оставался на позиции, что дипломатические заверения о неприменении пыток подрывают обязательство не выдавать лиц в опасные условия и не должны использоваться в случаях, когда для возвращаемого лица имеется реальный риск подвергнуться пыткам и недозволенному обращению. В связи с этим Хьюман Райтс Вотч просит предоставить разъяснения по поводу, как представляется, отхода Испании от позиции, занятой на встрече Группы специалистов, и, как можно предполагать, перехода на позицию о приемлемости и возможности использования дипломатических заверений для депортации/экстрадиции в условия, чреватые пытками.

Заключение

Выдача Мурата Гасаева под дипломатические заверения была бы серьезной ошибкой и создала бы для него весьма высокий риск подвергнуться серьезным нарушениям. Это было бы вызывающим игнорированием убедительно документированных фактов, свидетельствующих о том, что такие гарантии

гуманного обращения не обеспечивают эффективной защиты от пыток и недозволенного обращения. Имеем честь просить правительство Испании отвергнуть российские заверения по делу Гасаева, как ненадежные и недостаточные, прекратить попытки экстрадировать его и в дальнейшем не запрашивать таких заверений по любым делам, где присутствует реальный риск пыток или недозволенного обращения с возвращаемым лицом.

Искренне Ваши

Холли Картнер,
исполнительный директор
Отделения по Европе и Центральной Азии

Джоан Маринер,
директор программы проблем терроризма и борьбы с ним

Копии:

Верховному комиссару ООН по правам человека Луиз Арбур
Председателю Комитета ООН против пыток Клаудио Гроссману
Спецдокладчику ООН по пыткам Манфреду Новаку
Спецдокладчику ООН по правам человека в контексте борьбы с терроризмом
Мартину Шейнину
Генеральному секретарю Совета Европы Терри Дэвису
Комиссару Совета Европы по правам человека Томасу Хаммарбергу
Министру иностранных дел Испании Мигелю Анхелю Моратиносу

ⁱ Письмо Хьюман Райтс Вотч от 27 июня 2007 г.

ⁱⁱ Копия письменного заявления Матиева о даче ложных показаний под давлением в досье правозащитного центра «Мемориал». Матиев заявил, что дал ложные изобличающие показания на несколько десятков лиц.

ⁱⁱⁱ Открытое письмо от 2 апреля 2008 г., подписано Русланом Бадаловым (председатель Чеченского комитета национального спасения), Магомедом Муцольговым (руководитель НПО «МАНП»), Асламбеком Апаевым (председатель Комитета по защите вынужденных переселенцев), <http://www.zaprava.ru/content/view/1409/2/>.

^{iv} См.: *Othman (Jordan) v. Secretary of State for the Home Department* [2008] EWCA Civ 290; [2008] WLR (D) 103, April 9, 2008 (решение Апелляционного суда Великобритании остановить депортацию в Иорданию Омара Отмана, подозреваемого по делу о национальной безопасности, в связи с возможностью использования иорданским судом доказательств, полученных с помощью пыток).

^v <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/N-Caucas/konnas/index.htm>

^{vi} Там же.

- ^{vii} «Новая газета», 9 февраля 2006 г.
- ^{viii} Нежелание России открыть пенитенциарные учреждения для мониторинга профильными механизмами ООН особенно явно проявляется последние два года в связи с безуспешными попытками спецдокладчика ООН по пыткам согласовать плановый визит в Российскую Федерацию.
- ^{ix} *Хьюман Райтс Вотч*. Дипломатические заверения о неприменении пыток. Вопросы и ответы. Ноябрь 2006 г., <http://hrw.org/russian/reports/2006/torture.html>; Human Rights Watch, *Still at Risk: Diplomatic Assurances No Safeguard Against Torture*, Vol. 17, No. 4(D), April 2005, <http://hrw.org/reports/2005/eca0405/>; Human Rights Watch, *Empty Promises: Diplomatic Assurances No Safeguard Against Torture*, Vol. 16, No. 4(D), April 2004, <http://hrw.org/reports/2004/un0404/diplomatic0404.pdf>.
- ^x Committee Against Torture, *Pelit v. Azerbaijan*, Communication No. 281/2005, CAT/C/38/D/281/2005, June 5, 2007, <http://www1.umn.edu/humanrts/cat/decisions/281-2005.html>; *Agiza v. Sweden*, Communication No. 233/2003, CAT/C/34/D/233/2003, May 20, 2005, <http://www1.umn.edu/humanrts/cat/decisions/233-2003.html>.
- ^{xi} Committee Against Torture, “United States of America: Conclusions and Recommendations of the Committee Against Torture,” CAT/C/USA/CO/2, July 25, 2006, para. 21, <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/G06/432/25/PDF/G0643225.pdf>.
- ^{xii} Louise Arbour, “In Our Name and On Our Behalf,” Chatham House, London, February 15, 2006, http://www.chathamhouse.org.uk/files/3375_ilparbour.pdf.
- ^{xiii} European Court of Human Rights, *Saadi v. Italy*, Application No. 37201/06, February 28, 2008, para. 147, <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/viewhbkm.asp?action=open&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649&key=68712&sessionId=7462939&skin=hudoc-en&attachment=true>.
- ^{xiv} *Ibid.*, para. 148.
- ^{xv} European Court of Human Rights, *Ismoilov and Others v. Russia*, Application No. 2947/06, April 24, 2008, para. 127, <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/viewhbkm.asp?action=open&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649&key=69746&sessionId=7462939&skin=hudoc-en&attachment=true>.
- ^{xvi} *The Government of the Russian Federation v. Akhmed Zakaev*, Bow Street Magistrates’ Court, Decision of Hon. T. Workman, November 13, 2003, <http://www.tjetjenien.org/Bowstreetmag.htm>.
- ^{xvii} *Хьюман Райтс Вотч*. Клеймо Гуантанамо: история семерых узников, ставших заложниками российских дипломатических заверений. Т. 19, № 2(D), март 2007 г., <http://hrw.org/russian/reports/russia/guantanamo.html>.
- ^{xviii} European Court of Human Rights, *Shamayev and 12 Others v. Georgia and Russia*, Application No. 36378/02, October 12, 2005, <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/viewhbkm.asp?action=open&table=F69A27FD8FB86142BF01C1166DEA398649&key=10174&sessionId=7463075&skin=hudoc-en&attachment=true>.
- ^{xix} *Ibid.*, para. 504.
- ^{xx} Human Rights Watch, *Justice for Chechnya: The European Court of Human Rights Rules Against Russia*, July 2007, http://www.hrw.org/eca/2007/justice_for_chechnya.pdf.
- ^{xxi} Statement by UN High Commissioner for Human Rights Louise Arbour to the Council of Europe’s Group of Experts on Human Rights and the Fight Against Terrorism (DH-S-TER), March 29-31, 2006, в досье Хьюман Райтс Вотч.
- ^{xxii} Louise Arbour, “In Our Name and On Our Behalf,” Chatham House, London, February 15, 2006, http://www.chathamhouse.org.uk/files/3375_ilparbour.pdf.
- ^{xxiii} “United Kingdom Must Not Deport People to Countries with Risk of Torture – UN Rights Expert,” UN News Centre, August 23, 2005, <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=15513&Cr=UK&Cr1>.
- ^{xxiv} Council of Europe Commissioner on Human Rights, “Viewpoint: ‘Torture can never, ever be accepted,’” June 27, 2006, http://www.coe.int/t/commissioner/viewpoints/060626_EN.asp.
- ^{xxv} “No Guidelines on Empty ‘No Torture’ Promises: Council of Europe Rejects Minimum Standards for Diplomatic Assurances,” Human Rights Watch, April 3, 2006, <http://hrw.org/english/docs/2006/04/03/eu13110.htm>.
- ^{xxvi} Council of Europe Steering Committee on Human Rights, Group of Specialists on Human Rights and the Fight against Terrorism, Report of 2d Meeting, 29-31 March 2006, http://www.coe.int/t/e/human_rights/cddh/3._committees/06.%20terrorism%20%28dh-s-

ter%29/meeting%20reports/DH-S-TER(2006)005.asp#TopOfPage. В обоснование этой позиции, в частности, отмечалось, что:

1. дипломатические заверения запрашиваются у стран с доказанной практикой пыток или иного недозволенного обращения, противоречащей их международным обязательствам;
2. государству, запрашивающему заверения, известно о нарушении другим государством его обязательств в области пыток, и таким образом запрашивающее государство косвенно признает наличие пыток. Полагаясь на дипломатические заверения, оно подрывает усилия международного сообщества по обеспечению соблюдения обязательств в области прав человека;
3. дипломатические заверения создают двойные стандарты для лица, защищаемого этими заверениями, и других лиц внутри страны, которым могут угрожать пытки и которые могут не иметь такой защиты;
4. дипломатические заверения не обязательно являются юридически обязывающими;
5. представляется, что во многих случаях механизмы последующего мониторинга соблюдения основных прав переданного лица показали свою неэффективность;
6. на практике имели место несколько конкретных случаев принятия международными мониторинговыми органами решений, когда констатировалась неэффективность дипломатических заверений, полученных применительно к тому или иному отдельному случаю;
7. в случае нарушения заверений соответствующее лицо не имеет средств правовой защиты;
8. может сложиться впечатление, что запрашивающее и передающее государства в равной мере заинтересованы в том, чтобы доказательства пыток не были обнаружены мониторинговым органом;
9. отсутствует атмосфера взаимного доверия;
10. пытки по определению применяются тайно;
11. если по итогам рассмотрения обстоятельств делается вывод о наличии риска, само по себе наличие дипломатических заверений не отменяет этого заключения.